

Натурализм и утилитаризм в этике П. А. Кропоткина
Научный руководитель – Глухов Алексей Анатольевич

Турко Дмитрий Сергеевич
Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

Личность Петра Алексеевича Кропоткина включает в себе три неотделимых друг от друга ипостаси: неутомимого революционера, учёного-натуралиста и философа-этика, который старался применить свои изыскания в области изучения поведения животных для укрепления и придания достоверности морально-политической философии анархизма. Последний аспект присутствует в мысли Кропоткина настолько сильно, что позволяет современным исследователям анархизма (Paul Avrich, Brian Morris) говорить о Кропоткине как об «essentially a moral philosopher - a moralist whose techniques of scientific investigation served to buttress his ethical teachings» [Morris 2002, 423].

Черпая из этологии как главного источника своего этического учения, Кропоткин настороженно относился к «метафизическим» и индивидуалистическим концепциям — как к деонтологической этике Иммануила Канта, так и к утилитаризму Джереми Бентама и Джона Стюарта Милля [Morris 2015, 183]. Кропоткин с натуралистических позиций критиковал то, что он видел у Бентама и Милля как индивидуализм: «[...] хорошим и у муравьев, и у сурков, и у христианских или атеистических моралистов считается то, что полезно для сохранения рода, а дурным то, что вредит этому. Не то, что полезно или вредно отдельному индивиду, как утверждали это Бентам или Милль, а то, что полезно или вредно целому виду» [Кропоткин 2004, 808-809]

С другой стороны, в этической мысли Кропоткина присутствуют аспекты, которые сближают его с британской традицией. Например, в работе Нравственные начала анархизма (1890) Кропоткин указывает, что и поступки холодного эгоиста и жертвующего собой альтруиста обладают единым психологическим корнем — оба ищут удовлетворения своих желаний, то есть удовольствия. «Если бы человек, отдающий свою рубашку другому, не находил в этом личного удовлетворения, он бы этого не сделал» [Кропоткин 1991, 285]. Напротив, совершить "аморальный" поступок, например, отнять хлеб у голодных, было бы психологически неприятно для многих людей. Отсюда Кропоткин делает вывод, что всеми людьми в их поступках движет побуждение «найти удовлетворение или же избежать тяжёлого, неприятного ощущения». В определённом смысле как альтруист, так и пресловутый "эгоист" действуют под влиянием своего эгоизма [Кропоткин 1991, 286]. Но такой же императив (искать приятного и бежать неприятного) мы находим и в животном мире [Кропоткин 1991, 287]. «Искать удовлетворения потребности, избегать того, что мучительно, - таков всеобщий факт ... жизни. В этом - самая сущность жизни».

В главном этическом сочинении Милля Utilitarianism (1861) автор сообщает: «[...] actions are right in proportion as they tend to promote happiness, wrong as they tend to produce the reverse of happiness. By happiness is intended pleasure, and the absence of pain; by unhappiness, pain, and the privation of pleasure» [Mill 1864, 10]. Другими словами, универсальным имплицитным и эксплицитным мерилем наших поступков британский философ предлагает сделать счастье или отсутствие страдания.

Итак, у Кропоткина моральные поступки сопровождаются субъективным чувством удовлетворения и удовольствия от совершенного доброго дела; Милль предлагает объективировать это чувство и сделать его единственным принципом этики — принципом наибольшего счастья (Utility, or the Greatest Happiness Principle).

Две указанные трактовки, связывающие этику и удовольствие, на наш взгляд, не противоречат друг другу: моральный агент совершает благие поступки, ведомый чувством удовольствия от своих деяний; при этом рационально он руководствуется принципом наибольшего счастья, так как его деяния увлекают его самого и других людей в сторону большего удовольствия и отсутствия страданий.

Однако для Кропоткина чувство — это лишь в некотором роде психологический эпифеномен «понятий о добре и зле», которые нами «заимствованы из жизни природы» [Кропоткин 1991, 34]. «Взаимопомощь — преобладающий факт природы» [Кропоткин 1991, 32], и назначение её — предоставить эволюционное преимущество тому или иному виду. Взаимопомощь «представляет лучшее оружие в великой борьбе за существование, которая постоянно ведётся животными [...] и постоянно требует от животных новых приспособлений к постоянно изменяющимся условиям жизни» [Кропоткин 1991, 34]. Отталкиваясь здесь от Дарвина, Кропоткин утверждает, что между отдельными членами сообществ животных борьба за существование «совершенно исчезает и, как, вместо борьбы, является содействие (кооперация), ведущее к такому развитию умственных способностей и нравственных качеств, которое обеспечивает данному виду наилучшие шансы жизни и распространения» [Кропоткин 2007, 15].

В своём докладе мы предполагаем, не упуская из виду натуралистические основания этики Петра Алексеевича Кропоткина, рассмотреть те её аспекты, которые связывают мысль русского анархиста с параллельной морально-философской традицией — в частности, с идеями утилитаризма.

Источники и литература

- 1) Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М.: Эксмо, 2004.
- 2) Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.
- 3) Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991.
- 4) Mill, John Stuart. Utilitarianism. Second Edition. London, 1864.
- 5) Morris, Brian. Anthropology, Ecology, and Anarchism: A Brian Morris Reader. PM Press, 2015.
- 6) Morris, Brian. Kropotkin's Ethical Naturalism. Democracy & Nature, Vol. 8, No. 3, 2002.